

Владимир Дулга

ВИТЯЗИ В РЕБРИСТЫХ ШЛЕМАХ

А поле боя держится на танках

Владимир Дулга

**Витязи в ребристых шлемах.
А поле боя держится на танках**

«Издательские решения»

Дулга В.

Витязи в ребристых шлемах. А поле боя держится на танках /
В. Дулга — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833216-6

Великой армии, разгромленной своими, посвящаю! Служба в Группе советских войск в Германии — великая школа профессионализма, командирского становления, совершенствования воинского мастерства, возмужания и простой, человеческой дружбы, память о которой останется на всю жизнь. Именно об этом рассказывает книга.

ISBN 978-5-44-833216-6

© Дулга В.
© Издательские решения

Содержание

Низина	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Витязи в ребристых шлемах А поле боя держится на танках

Владимир Дулга

Великой армии, разгромленной своими, посвящаяю

© Владимир Дулга, 2016

ISBN 978-5-4483-3216-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Низина Повесть

На марше.

Глава 1

Неяркие лучи багрово-красного, восходящего солнца пробились через низкие облака, осветили опушку дальнего леса, небольшую немецкую деревушку с кирхой за свежее-зелёным выгоном. Выходящую из леса широкую, песчаную просеку, упирающуюся в заболоченную низину, подернутую утренним, голубоватым туманом. Широкую, длинную траншею и свежую насыпь за ней, маленькое озерцо, на опушке леса. Первый утренний ветерок, легонько взъерошил пшеничное поле за болотом, длинными, белыми языками погнал болотный туман вдоль выстроившихся на опушке молодых сосенок. И взгляду открылись, угрюмые, влажные от росы, грязные по самую башню, сбившиеся в кучу танки, попыхивающие легкими дымками заведенных двигателей. Черные, глубокие, как раны на зеленой траве, наполненные болотной водой колеи, разрезающие низину в различных направлениях. Сломанные кусты и мелкие деревья, немые свидетели неравной борьбы современных моторов и болотной хляби. Чуть-чуть поодаль, у небольшого костра, немногочисленные экипажи, в вымазанных липкой грязью комбинезонах и заброшенных за спину шлемофонах.

На головной машине нестройной колонны, на скатанном в несколько слоев укрывочном брезенте, прислонившись спиной к холодной броне башни, мрачно затягивался отсыревшей сигаретой, командир первого танкового батальона гвардии старший лейтенант Ткачев. В наушниках подключенного к радиостанции шлемофона, сквозь шорох и треск, доносились команды где-то грохочущего боя. Далеко, у самого горизонта, слышались громогласно-хлесткие выстрелы танковых пушек, раскатистые звуки артиллерийских разрывов, перекатывающиеся, сливающиеся в один сплошной гул взрывы реактивных снарядов авиации. По отрывочным приказам командира полка и по ответам командиров подразделений, он слышал, что передний край обороны противника прорван. Передовые батальоны своевременно ввели в бой роты второго эшелона, и развивают наступление в глубину. Артиллерия начала перемещение на новые огневые позиции, для обеспечения ввода в бой батальона второго эшелона. Полк успешно наступал, наступал без своего первого батальона, и его комбата.

Два тяжелых тягача ремонтно-восстановительного батальона, глухо урча мощными двигателями, вытягивали из болота танк командира первой роты, последний из семнадцати танков первого танкового батальона, застрявших здесь накануне.

Шли вторые сутки учений.

А как всё прекрасно начиналось! Учения были обычным явлением в жизни любой воинской части в составе Группы Советских войск в Германии. Для танкистов – это ротные, батальонные, полковые тактические учения и, как венец боевой подготовки, – дивизионные тактические учения. Согласно плана боевой подготовки, часть учений планировались и проводились с этапом боевой стрельбы, часть без боевой стрельбы. Помимо плановых учений, проводились различные экспериментальные, опытные, а также, разведывательные, с участием войск.

О предстоящих учениях знали заранее, к ним готовились по всем направлениям. Данные учения проводились с участием Вооруженных Сил нескольких государств, участников Варшавского договора. И они шли как бы перекатами, из западных военных округов Советского Союза, по территории Польши и ГДР. За ходом учений на крупных полигонах наблюдали партийные и государственные деятели стран содружества, министры обороны, генералитет, иностранные военные представители, пресса. На одном из крупнейших на территории ГДР полигоне была построена специальная смотровая площадка, которую тут же, окрестили Варшавской вышкой.

На основе общего плана учений, был разработан план дивизионных тактических учений, где гвардейскому танковому полку отводилась особая роль. По замыслу учений, полк в составе дивизии, стремительным маршем, должен был выдвинуться из глубины, с ходу прорвать обо-

рону противника, и с выполнением последующей задачи, преследовать отходящего противника в направлении государственной границы.

Первому танковому батальону предстояло действовать на острие главного удара полка. Смежными флангами со вторым танковым батальоном, совместно с мотострелковым полком Национальной Народной Армии ГДР, занимающим оборону в непосредственном соприкосновении с противником, прорвать оборону на участке прорыва, в дальнейшем выполнять поставленные задачи. Именно там, – на предполагаемом участке прорыва и была сооружена Варшавская вышка, с которой прекрасно просматривалась местность на несколько километров в округе, что давало возможность наблюдать за действиями войск и оценивать их. Первый танковый батальон должен был наступать справа и слева от вышки, по его действиям, возможно, будет выставлена оценка всей дивизии. В крайнем случае, впечатления могли существенно повлиять, на результат, и если Министр обороны выразит своё неудовлетворение, вряд ли кто-то решится не согласиться с его мнением. Данный этап учений проводился с боевой стрельбой, реальным использованием боевых возможностей артиллерии и авиации.

Рано утром полк был поднят по тревоге. Благодаря постоянным тренировкам, уже через сорок минут, получив боевую задачу и кратко уточнив задачи командирам рот, старший лейтенант Ткачёв привычно покачивался в командирском люке головного танка. Иногда, поработанной годами привычке, особенно, когда механик-водитель притормаживал перед препятствием, оглядывался на сзади идущий танк, и окидывал взглядом всю колонну батальона. Пушка, идущего сзади танка командира первой роты, опасно маячила всего в нескольких метрах от кормы комбатовской машины. В клубах пыли и дыма, механик-водитель вполне мог «прошляпить» резкое торможение впереди идущей машины. Тогда пушка заднего танка, как иголка могла пронзить стоящего в командирском люке танкиста, или, запросто, придавить к крышке открытого люка. Такие случаи были не единичны, и навык предусмотрительности культивировался с самого училища. Вид батальонадвигающегося мощно и слаженно, как единое целое, всегда вызывало в душе чувство восторга, и гордости. Танки, как доисторические животные, плавно преодолевали неровности трассы, как ископаемые мамонты вздымали к небу свои хоботы-стволы орудий, и хищно, словно в поисках чего-то, опускали их к самой земле. Клубы пыли и дыма высоко поднимались к голубым небесам, и казалось, нет такой силы, которая способна остановить эту мощь, это неотвратимое и неудержимое движение стальной несокрушимой армады.

Изредка, отдельные машины выбрасывали вверх фонтаны черного дыма, и комбат мысленно отмечал, что двигатель, по-видимому, перегрели на прошлых учениях, или на подводном вождении, минувшим летом. И заместителю по технической части теперь придется, побеспокоится о переводе танка в учебно-боевую группу.

Батальон Ткачев принял год назад, до этого, в этом же батальоне, был начальником штаба. Служил честно, как мог, на особое продвижение не надеялся. И считал, что, наверное, это вершина его армейской карьеры. Пройдут годы, и он майор-перестарок будет отправлен на заслуженный отдых, как многие офицеры батальонного звена. Но неожиданно, в войсках прокатилась волна обновления кадров, как говорили, «омоложение». Пожилые командиры батальонов и начальники штабов, дослужив установленные сроки, или увольнялись в запас, или уходили на штабную и тыловую работу. Началось продвижение молодежи. Ситуацию усугубила хроническая нехватка кадровых офицеров в ротном звене. Львиную долю командиров взводов составляли выпускники гражданских ВУЗов, так называемые «двухгодичники», которые, порой, не обладали необходимыми знаниями и навыками.

Извивающейся змеей батальон втянулся в большой сосновый лес. Всё-таки хорошо командовать первым батальоном! Пыли нет, дорога ещё не разбита, всё видно – можно выбрать лучшую трассу. А каково командиру второго, или третьего батальона? Впереди уже прошло тридцать, или шестьдесят машин, в воздухе ядрёный запах солярки, пыль струится по лицу,

как вода. Она кругом – на комбинезоне, шлемофоне, на танке и даже специальные очки от неё не спасают. Не сладко сейчас комбату два, и три. А в лесу, в безветрие, пыль, вообще, может стоять часами. Одно хорошо – полк идёт одним маршрутом поэтому держись впереди идущего – и никаких проблем! А первому – необходимо всё время сверяться с картой, с местными предметами, выбирать дорогу.

Вторым и третьим танковыми батальонами командовали два подполковника.

Командир второго батальона Тубачев Григорий Фомич, недавно получил подполковника, и слыл в полку чудачком. Прибыв из Кантемировской дивизии Московского военного округа, прослужив там большую часть службы, он навсегда впитал в себя дух показухи, парадности и напыщенности, свойственный «придворным» частям. В полку он считался непревзойдённым мастером организовывать и проводить различные показательные занятия, где внешний лоск, ценился выше, чем истинное мастерство и обученность.

Особенно удавались «показухи» по внутреннему порядку, содержанию техники в парке боевых машин и строевой подготовке. Занятия по боевой подготовке Григорий Фомич не любил, и проводил, мягко говоря, «не очень». Однажды, в середине недели, когда подразделения батальона должны были, согласно расписания, заниматься вождением боевых машин, танкострелковой тренировкой и тактикой на полигоне, весь полк услышал на плацу звуки большого и малого барабанов. И когда начальник штаба полка в изумлении вышел на плац, он увидел второй танковый батальон, который в полном составе тренировался в движении строевым шагом. Посредине шагающих по кругу солдат и офицеров, возле барабанщиков, стоял комбат Тубачёв, зычным голосом подавая команды и делая замечания. Очумевший начальник штаба только и мог вымолвить:

– Зачем взяли в оркестре барабаны?

На что последовал незамедлительный ответ:

– У нас, свои!

Готовясь к показательным занятиям в парке боевых машин, Григорий Фомич, исходя из требований пожарной безопасности, решил возвести противопожарную стену, отделив автомобили с техническим имуществом, работающие на бензине, от танков, загруженных боеприпасами. Вроде всё правильно! Раздобыли кирпич, цемент, и возвели Китайскую стену на всю четырёхметровую высоту хранилища, толщиной в пол кирпича, без столбов, пятнадцать метров длиной. В ходе показа, завели танки шестой роты, и стена упала! Слава богу, никого не раздавив!

Ходили слухи, что однажды на учениях, командир второго батальона заблудился на родном дивизионном полигоне, в сильном тумане догнал хвост колонны своего же батальона, приняв его за первый батальон, и какое-то время преследовал. Причём, если он прибавлял скорость, пытаясь догнать замыкающую машину впереди идущего батальона, через короткий промежуток времени она как сумасшедшая резко прибавляла ход. На счастье, на третьем круге механик-водитель пригляделся и сообщил, что здесь они уже проезжали, комбат дал команду остановиться. Стоящего, как Илья Муромец на башне танка Фомича, вглядывающегося в туман, нашёл, отправленный на поиск батальона, командир разведывательной роты.

За все эти проделки за ним прочно укрепилось меткое прозвище «Григорий Хохмич»

Командир третьего танкового батальона подполковник Вайнагин Иван Иванович, напротив, отличался спокойным, уравновешенным характером, выдержкой и рассудительностью. Казалось, что на основе своего опыта старого служаки, мудрости, многое повидавшего на своем веку человека, интуиция сама подсказывает ему нужное решение. А он, лишь, твердой рукой опытного командира, проводит решение в жизнь, доводя начатое до конца, не взирая на то, какие бы трудности не приходилось при этом преодолевать. Вот накануне этих учений, когда «беспроволочный армейский телеграф» донёс, что на этапе боевой стрельбы будет присутствовать сам министр обороны, командиры подразделений постарались проверить выверку оружия по контрольно-выверочным мишеням. Иван Иванович, не откладывал эти работы до выхода

в запасный район, и не особо доверял составителям достаточно древних мишеней, решил, пользуясь тем, что перед боксами батальона, за проволочным забором, простиралось до самой железнодорожной станции необъятное поле, произвести выверку пушек по удалённой точке, взяв за такую, крышу водочапки на вокзале. И умудрился, сгонять несколько танков на огневой городок, на пристрелку пулеметов. Хотя по плану учений, третий батальон вводился в бой для отражения контратаки противника в конце этапа боевой стрельбы, когда с вышки его уже не было видно.

На все назойливые вопросы Иван Иванович неизменно отвечал, что людей он учит для войны, а не для показухи. Много лет командуя батальоном, он твердо уверовал в то, что в службе мелочей не бывает, и всё надо делать с душой. Хотя, если сказать по совести, из должности командира батальона, он давно уже вырос, как из маленькой рубашки. И к этой работе душа уже не лежала, он загодя знал, что будет завтра и послезавтра, а хотелось нового, неизведанного. Чувствовал, что он – Вайнагин, способен сделать гораздо больше!

Но, отсутствие высшего образования, мешало дальнейшему продвижению по службе. Несколько лет назад, ещё в Союзе, была попытка поступления в бронетанковую академию, но уже тогда, его сочли старым и неперспективным. Поступать в гражданский ВУЗ было нереально, кому нужен комбат заочник, уезжающий на сессию на несколько месяцев. Так и остался он незаменимым комбатом, как старый конь, исправно тянущий свою ношу. А кто тянет, на того и грузят! Стали в нагрузку возлагать на Иван Ивановича обязанности заместителя командира полка по тылу, который постоянно болел и не вылезал из госпиталей.

Вскоре армейские тыловики обратили внимание на исполнительного, хозяйственного и расторопного подполковника и решили выдвинуть его на должность заместителя по тылу в соседний полк. Так что, данные учения были последними в прежней должности, и уже было известно, что на его место приходит командир роты из этой же дивизии. Надо освобождать дорогу молодым! Хотя внутри, где-то далеко-далеко, затаилась обида, на что, он сам себе отвечал, где-то услышанной фразой: «Я не против омоложения, я против озеленения!».

Незаметно колонна достигла запасного района, куда обычно, по сигналу тревоги выдвигался батальон, в ожидании дальнейших распоряжений. Но, сегодня все задачи были поставлены ещё в пункте постоянной дислокации. Ткачеву вспомнилось, как он прибыл на КП командира полка, размещенного в помещении дежурного по парку. В небольшой комнатке собрались все командиры батальонов и отдельных рот, тут же толпились чужие офицеры, в непривычных для танкистов красных фуражках московского фасона, с высоко задранными тульями. Командир полка подполковник Паньковский приказал подготовить маршрутные карты такого-то района. Изредка заглядывая в свою карту, отдал боевой приказ, особо остановился на порядке построения колонны. До рубежа развертывания в батальонные колонны, полк выдвигается по одному маршруту, после чего, командир прошел вдоль строя подчиненных, и лично, каждому указал его на карте. Когда очередь дошла до Ткачева, и командир вознамерился указать карандашом это место, карандаш неожиданно выпал из рук и укатился под стол. И тогда немного замешкавшись, под взглядами московских красных фуражек, не обратив внимания, на протянутый ему Ткачевым карандаш, он ткнул в нужное место своим толстым, как сарделька, пальцем. Тут Ткачев понял, почему немецкие друзья называют его «гросс томатом» – большим помидором. Полный, с постоянно красным лицом, и мощными руками, он тут же закрыл пальцем на маршрутной карте квадрат, площадью десять, на десять километров. Поэтому, после того, как многие командиры убыли к своим подразделениям, командиры батальонов склонились над картой командира полка, и уточнили с начальником штаба неясные вопросы.

Рубеж развёртывания в батальонные колонны, он только на дивизионной карте рубеж, а для полка, и конкретно – командира батальона, это точка на карте и на местности. После

которого каждый батальон пойдет по своему маршруту к рубежу перехода в атаку, и дальше выполнять свои боевые задачи.

Стараясь не маячить на глазах проверяющих, Ткачев поспешил к своему батальону. Танки уже вышли из парков, и общей батальонной колонной стояли возле, так называемых, «тревожных ворот», готовые рвануться вперед. Экипажи ещё раз проверяли крепление всего, что находилось на танках, механики, согнувшись, копались в трансмиссионных отделениях, стучали закрываемыми бронировками и лючками. Стояла суета, как на перроне перед отправкой скорого поезда, тревожная и радостная.

Командиры рот уже ждали его у комбатовской машины, старший лейтенант кратко поставил задачу на марш, благо, посредников с белыми повязками поблизости не было. И можно было говорить то, что надо, особо не заботясь, о соблюдении порядка и очередности пунктов боевого приказа. Согласно тактической обстановке, марш осуществлялся по территории занятой своими войсками, и походное охранение можно было не высылать, что существенно поднимало среднюю скорость движения. Командиру взвода снабжения, пожилому и исполнительному прапорщику Дурневу, который возглавлял колонну колёсных машин, с боеприпасами, горючим, техническим имуществом и пунктом хозяйственного довольствия, был указан маршрут и пункты, где он обязан, был встретить танковую колонну и накормить танкистов. Дело в том, что в ГСВГ, на учениях, гусеничная техника двигалась по, так называемым, «танковым маршрутам», а колёсная, по параллельным шоссе-ным дорогам, поэтому места встречи и время необходимо было точно согласовать. Замполит батальона капитан Покопец, недавно прибывший в батальон, с должности начальника клуба узла связи, и для которого данные учения были первыми, как привязанный ходил за Ткачевым, умоляя взять его в экипаж комбатовской машины.

Вообще-то, в танковом батальоне все штатные места в боевой технике расписаны, тридцать один танк Т-62 – сто двадцать четыре человека, все при деле, обучены по своей военной специальности, и каждый в бою выполняет свою работу, лишних мест нет. В БТР начальника штаба и БРДМ начальника связи батальона тоже имеется свой штатный состав, и никого оттуда не уберешь. Замполиту в бою остается одно, идти за танками, держа в вытянутых руках «Боевой листок». Или же, как это чаще бывало в реальности, перемещаться с кухней и колёсными машинами. В этот раз, скрипя сердцем, Ткачев разрешил замполиту находиться в люке заряжающего своего танка до последнего привала. С условием, что он немедленно уберётся в башню, с появлением посредников или проверяющих.

Наконец, пыхнув дымками двигателей, колонна тронулась в путь.

Здания военного городка, давно остались где-то далеко позади. По обочинам дороги потянулись ухоженные немецкие поля, маленькие, как будто игрушечные, деревушки, с чистыми улицами, опрятными домами, старинными кирхами и обязательными памятниками немецким солдатам, павшим в годы первой мировой войны. Ткачеву, почему-то вспомнилась далёкая сибирская деревня, на юге Омской области, где он родился и вырос, с широкой и пыльной, главной улицей, обязательными клубом и правлением в центре. И памятник, в маленьком сквере, односельчанам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Редкие цветы у подножья, около сотни фамилий выбитых на нем, где только Ткачёвых семь человек – это его дяди и родственники, дальние и ближние. Фамилии и инициалы двух дедов, которых он никогда не видел, тоже на той стеле. А где они лежат, в чьей земле, не знает никто. Может быть на Украине, может в Польше, а может быть где-то здесь, неподалеку, покоится русский солдат из далёкой сибирской деревни. Возможно, таким же светлым утром шел в свой последний бой его дед Ефрем, школьный учитель, командир роты «тридцатьчетверок». И так же, о чем-то мечтал, возможно, о скорой победе, а может, вспомнились берёзки на околице родной деревни, дом, и жена красавица Катерина, с которой прожили годы и вырастили детей. В разгар боя, танк командира роты был подбит, экипаж сгорел вместе с машиной.

Вот и знакомая развилка, тут придётся подождать подхода приданных средств усиления. Колонна замедлила ход, будто отвечая на его мысли, в шлемофоне раздались позывные и доклады командиров. Первым, как обычно, поспешил отметить командир танкового мостоукладчика, не по тому, что он был самый исполнительный. Просто уже из парка, он шёл за колонной батальона, и был на месте. Коротко доложили о своём прибытии зенитчики, два командира зенитных самоходных установок ЗСУ-23—4 – «Шилка». Последним, медленно выговаривая слова, отметил командир отделения радиационной и химической разведки. На сегодня все средства усиления. «Молодцы!» – мысленно отметил Ткачёв. – Неплохое начало!».

Ну, теперь вперёд! Точно выдерживая скорость движения, по графику проходя пункты регулирования, двигаясь компактно, не теряя машин.

Время, от времени, зампотех батальона, глотающий пыль в хвосте более чем двухкилометровой колонны, на тягаче технического замыкания, докладывал: «Сто!». И комбат удовлетворенно отмечал, что пока идут все танки батальона, в том числе учебно-боевые.

– Интересно, успела ли комендантская рота обеспечить переходы через автострады?» – подумал комбат, оглядывая прилично растянувшуюся колонну. Иначе, придётся самим организовывать службу регулирования, отсыпать колеи на асфальте, и на этом терять драгоценное время.

Впереди монастырский лес, строения сельскохозяйственного кооператива, с блестящим шаром водокачки в центре. А там, дальше, переход через скоростное шоссе и пункт регулирования. Ещё издали, Ткачев отметил колонну гражданских машин по обеим сторонам перехода:

– Значит, «комендачи» подоспели вовремя и перекрыли дорогу!

Перед самым выходом на сбитые доски настила, проложенные по асфальту, вышедший из Уазика майор, с белой повязкой на повседневной форме, остановил колонну. Ткачев едва успел стукнуть по шлемофону зазевавшегося замполита, и тот мгновенно исчез внутри башни, прикрыв за собой люк. На протянутой карте посредник поставил штемпель с номером рубежа регулирования, записал время и расписался. Колонна тронулась в путь.

Тяжёлые танки, могуче урча двигателями, выскакивали из-под насыпи, на долю секунды зависали в воздухе передними катками, и мягко ухали всей мощью на доски настила. Гражданский люд, высыпавший из машин, и автобусов, с восторгом и уважением взирал на запылённые лица танкистов, в люках боевых машин.

И снова, дорога нескончаемой лентой бежит под гусеницы танка, бурунчики пыли выскакивают из-под подкрылков, исчезают за кормой, смешиваясь с клубящимися вихрями пыльных столбов, поднятых мощным вентилятором охлаждения. Сзади идущие танки, двигаются на дистанции, заданной длиной оседающего облака пыли от впереди идущей машины. Дистанция несколько великовата, но впереди ещё полтора суток движения, и глаза механиков-водителей надо беречь, ночью будет ещё тяжелее. Несомненно, на марше вся нагрузка на «механцов», так в экипаже ласково называют механиков-водителей. Их берегут, и на коротких привалах делают всё возможное, чтобы дать, хотя бы немножко, отдохнуть. Вообще-то, взаимоотношения между офицерами и военнослужащими срочной службы в танковых подразделениях, коренным образом отличаются от таковых, допустим, в пехоте. Там, например, в обороне, у комбата и ротного – блиндаж, у командира взвода если не блиндаж, то, хотя бы, отгороженный закуток во взводном блиндаже. Не зря же ходит анекдот: – сидит боец-пехотинец ночью в холодном окопе, и с характерным акцентом бубнит – «командир батальона – «би-лин-даж», командир рота – «би-лин-даж», командир взвода – «би-лин-даж», рядовой Юлдаш – шишь, а не «би-лин-даж». У танкистов, танк – дом, причём дом для всех, для рядового заряжающего, и подполковника комбата. Спят на теплой трансмиссии, укрывшись одним брезентом, кушают вместе, в тени боевой машины, экипаж не сядет есть без командира. По мере возможности,

офицеры – командиры танков, участвуют в обслуживании техники после учений и в процессе эксплуатации. Даже обращаются к подчинённым в полевых условиях чаще по именам, и фамилиям, без воинских званий. Хотя, на общем построении подразделения, Саша, вновь станет младшим сержантом Тишиным. Так заведено, и обусловлено многими факторами, в экипаже все зависят друг от друга. Дернул механик машину на стрельбе, и командир, или наводчик орудия получит двойку. Не успел заряжающий зарядить орудие, опять, – «неуд». Не предупредил командир механика о препятствии, – сверху то, лучше видно, и вот, уже все вместе на боку, или в болоте. А в бою, от каждого зависит жизнь всех. Танк – общий дом, может стать и общей могилой. Поэтому, есть такое понятие – «экипажники», значит члены одного экипажа, и деньги получают «за особые условия службы», в простонародии – «экипажные». Почти как родственники, разъедутся после увольнения по всей стране и переписываются, будучи уже пожилыми. Встречаются семьями, как родня, вспоминают молодые годы, службу в танковых войсках, друзей и командиров.

На этих учениях механики-водители получают такой опыт в вождении боевых машин, какой во внутренних Военных округах нельзя получить за всю службу.

Маршрут для Ткачева был достаточно знаком. Он, как и все маршруты выхода войск в ГСВГ, был проложен, в основном, в обход населенных пунктов, по лесным массивам, и окраинам полей. Поэтому расстояние от точки, до точки на карте, могло быть на местности в два, а то и более раз, больше по петляющему маршруту танковой трассы. Иногда, один и тот же населенный пункт, появлялся слева по ходу движения, а через некоторое время, та же приметная кирха, или сарая, выплывала справа из-за кустов. Надо было иметь хорошую зрительную память, особое чутьё командира, умение видеть мелкие, но хорошо запоминающиеся, местные предметы и детали. Два раза в год, всех командиров подразделений вывозили на, так называемую, полевую поездку, продолжительностью два-три дня. На маршруты выдвижения по боевым задачам, и основные полигоны. Выезжали, обычно, под руководством заместителя командира полка, или начальника штаба. На двух грузовых автомобилях повышенной проходимости, со средствами связи. Поездки были утомительными, – попрыгай трое суток в кузове везе-хода по кочкам и буеракам полевой дороги, из мягкого места получится отличная отбивная. Но такие поездки приносили огромную пользу, вскоре недавно прибывший из Союза ротный, мог вполне самостоятельно вести колонну в любой район.

Вспомнив эти поездки, комбат мысленно улыбнулся названию, которым их окрестили местные остряки «миллион задницеударов на одном линейном километре». Хотя, и на танке, после длительных учений болит спина, и на бедрах долго не сходят синяки. Командир стоит в люке. Если, «по-боевому» он сидит на своем сидении, то на марше он на нем стоит. А чаще, как жокей на ипподроме, привстающий на стременах, так же пружинит ногами, стоя на спинке командирского сидения. Вокруг броня, о которую тебя бьёт и колотит на всех неровностях дороги. Наиболее опытные, кладут на крышу башни подушку и на ней сидят. От встречного ветра спасает открытый вперёд командирский люк, от пыли танковые очки и респиратор, – вот и все удобства.

Танки шли и шли. Позади, остался обжитый полигон дивизии, на котором каждый бугорок знаком и узнаваем. Раскинувшийся на больших холмах полигон соседей, с оставшейся ещё от фашистов, смотровой вышкой под названием «Палец», тут тоже, вроде заблудиться негде. Ещё немного, деревня под названием Гадегаст, пункт регулирования и привал. С этой деревней связано одно интересное событие. Прошлой весной, выходя на очередные учения, пришлось пройти по мощеной булыжником улице этого населенного пункта. Так, малость, метров триста, четыреста. Но, этого было достаточно, чтобы один из танков занесло на булыжной мостовой. Он, преодолел декоративный забор, настоящий забор, из кованного, узорчатого железа, попутно разувшись на одну сторону. На одной гусенице, машина, увязнув по самое днище, проелозила по клумбе с цветами, и пробив пушкой стену дома, ниже балкона, остановилась.

Дело происходило в воскресенье, в доме было какое-то семейное торжество, на балконе толпился народ, с интересом взирая на проходящие танки. Чудом никто не пострадал, домовладельцу возместили ущерб, сумма которого превосходила стоимость всего дома.

Прибывшие ремонтники преступили к эвакуации танка из чернозёмно-цветочного плена, натяжению гусеничной ленты и возвращению машины в строй. Под ногами всё время крутился какой-то пожилой немец, стараясь чем-то помочь, что-то поднести, поддержать. Его безуспешно пытались прогнать, опасаясь случайно покалечить, показывая, жестами, что он может испачкаться. Тогда, он пошёл и переделался в комбинезон. Наконец, поняв, что его просто прогоняют, по-видимому, обидевшись, ушёл в дом. И, когда про него почти забыли, неожиданно появился с альбомом в руках, обошёл, и пригласил всех. С гордостью продемонстрировал себя в форме танкиста вермахта на фоне танка Т-три. Больше его не прогоняли.

Вот и знакомая деревня, Ткачев заранее снизил скорость, собрал колонну и осторожно выехал на булыжную улицу, также не торопясь, доехал до конца посёлка, и прибавил хода. У развилки дорог, в тени деревьев, стоял знакомый Узик посредника, заметив который, замполит, не дожидаясь команды, нырнул в люк.

Процедура повторилась, отметив время, майор уточнил, сколько танков в колонне батальона? Комбат ответил, что все тридцать один на ходу.

Километрах в двух впереди, вдоль опушки леса, слегка дымя трубами, на приличном расстоянии друг от друга, расположились полевые авто кухни «ПАК-200» первого и третьего батальонов. У второго батальона была своя изюминка. Конечно, кухнядвигающаяся по своему маршруту отдельно от танков это нонсенс. В боевой обстановке так не будет, и колёса, и гусеницы пойдут одним маршрутом, и всего скорее, это будут трассы с твердым покрытием. Но, пока было, как есть. Часто колонны не встречались, пищу не успевали приготовить, и бойцы, пользуясь случаем, съедали боевой рацион, а точнее «НЗ», который затем приходилось восстанавливать. Поэтому Григорий Фомич, каким-то умопомрачительным способом, через знакомых, выбил себе в тылу Группы войск, кухню на гусеничном ходу. На базе бронированного тягача – МТЛБ, неизвестным образом, попавший в эти, бесснежные места. Остальные комбаты завидовали ему белой завистью. Но, до первых учений.

В ходе большого марша, удивляя встречных своим видом, гусеничная машина, густо выплёскивая дым из закопченной трубы, с несуразной будкой автокухни, бодро ныряла и прыгала вслед за танками, по бесконечным кувыркам дороги, распространяя по округе запах готовящейся пищи.

На привале, Фомич приехал в первый батальон, который в это время принимал пищу вокруг своей старенькой полевой автокухни ПАК-170, имевшейся в то время у Ткачёва.

– Как, гвардейцы, ужин? – бодро поинтересовался он у танкистов, – где комбат? – увидев Ткачёва, потянул в сторону:

– Виктор, не откажи в услуге, покорми моих. Половина батальона без ужина осталась, с этой кухней, будь она не ладна! На ходу котёл не откроешь, сам знаешь, как болтает. Повар попробовал, руки обжёг. Из колонны не выйти, пойдут чужие танки, – назад не влезешь. Так, что загрузили в начале марша, то и сварили. Тут, открыли, – вода выкипела, оставшееся в котле, превратилось в размазню, как клейстер, хоть окна заклеивай. Выручай!

Ткачев дал команду, что останется, передать соседям, и пригласил Тубачёва на обед. Позже и другие батальоны получили новые, колёсные ПАК-200, у Фомича остался «болотоход», как он его в сердцах называл.

Колонна остановилась, механики заглушили двигатели, наступила звенящая тишина. После многих часов рева моторов, свиста ветра, треска помех в наушниках шлемофонов, казалось от тишины больно в ушах, она оглушала. На привал было отведено тридцать минут. Экипажи быстро получили пищу, вскоре, аромат наваристого борща прочно соперничал с запахами дизельного топлива, и нагретых двигателей.

На двух белоствольных березах, секретарь комсомольской организации батальона, прапорщик Горин успел развесить походную ленинскую комнату. С фотографиями членов политбюро и генералитетом Вооруженных Сил. Здесь же боевой листок, с именами лучших механиков водителей, отличившихся в ходе марша. Хотя, сам Ткачев, не понимал, как можно определить лучших, и отстающих, если никто не отстал, и все идут в одной колонне. Даже самый передовой, никак не может обогнать комбата, значит, самый передовой, – он, старший лейтенант Ткачёв. Ему даже захотелось поделиться своими наблюдениями с Владимиром Дмитриевичем. Но тот, уже что-то бодро докладывал, внимательно слушающему его, начальнику политотдела дивизии. Тут же, деловито стояли замполит полка майор Боев и пропагандист майор Федченко.

– Вот, замполит баллов набрал! На танке, на марше! В шлемофоне, да ещё весь в пыли! Ну, прогнулся Дмитриевич! – с насмешкой подумал комбат. – Вот, кто настоящий передовик! Может подойти и встать рядом? Нет, не поймут!

– Товарищ старший лейтенант, вас вызывает командир полка, – лихо козырнул посыльный – заряжающий из третьей роты, – и продолжал, почему-то во множественном числе, – они в конце третьей роты, кушают.

– Джахадзе, за мной, – окликнул своего заряжающего Ткачев, – чепчик захвати! Приняв, поданную из танка, фуражку поспешил в хвост колонны.

Ещё издали, заметил приткнувшийся к кустам танк командира полка, и два штабных БТР. На гусеничном БТРе, плотную фигуру командира, с котелком в руке, что-то показывающему склонившемуся над картой Тубачеву. Поднявшись, по предупредительно приставленной лесенке наверх, Ткачёв доложил.

– Перекусил? – вместо ответа спросил командир. И услышав, что не успел, продолжил. – Так пошли посыльного, пусть принесет. Меня, тут, Тубачев какой-то «затирухой» кормит. Лучше поешь со своего ПХД.

Ткачев повернулся к своему заряжающему, неотступно следующему сзади, и теперь стоящему внизу, возле БТР. Предусмотрительный Джахадзе, уже протягивал ему котелок с едой.

– Молодец! – с теплотой подумал комбат. – Экипажник!

– Жуй, и слушай! Смотри и запоминай! – доставая ложкой что-то из котелка, продолжал командир. – Вот здесь, – показал он черенком ложки, – в двадцать три часа, будет развернут полевой пункт заправки. – Всё остальное доложит командир роты подвоза горючего армейского автобата.

Только теперь Ткачев заметил невысокого офицера с эмблемами автомобилиста. Они переглянулись, улыбнувшись, кивнули друг другу.

– Заправка будет производиться здесь, – ещё раз уточнил старший лейтенант, – заглянув в карты комбатов. Заправляемся в две нитки, к каждому заправщику встают два танка с обеих сторон. На каждую роту, по пять АТЗ. Очень прошу не ездить по заправочным рукавам.

– Вот по этой части, они мастаки! На прошлых учениях, орлы Фомича, по расчалкам ретранслятора проехали. Так, бедные связисты, до утра свои тарелки собирали, – вмешался командир полка. – Всё ясно! Я, как и прежде, в колонне второго батальона! Не теряйте время Ткачев, вперед! Третий батальон уже подходит.

Ткачев спустился вниз. Конечно, он узнал в командире автомобильной роты своего школьного товарища Тольку Антонова, который поступил в Челябинское автомобильное училище. И один раз они даже вместе были в курсантском отпуске. На этот раз поговорить не удалось, надо ехать, договорились встретиться на пункте заправки.

По дороге в батальон, неожиданно вспомнились напутственные слова командира.

– Не хочет командир вести колонну, боится «блудануть». Редко по полевым трассам ходит. Ну, да это его дело, как построить колонну. На то он и командир. Вот закончишь академию, примешь полк, езжай себе на здоровье, хоть в голове, хоть, за тех замыканием.

Осталось только поступить, да закончить, – вздохнул Ткачев, подходя к ожидающим его ротным.

Коротко уточнил полученную задачу, и скомандовал:

– По машинам! – когда, за последним заряжающим захлопнулся люк, – Заводи! Вперёд!

Как-то незаметно, и быстро день пошёл на убыль, скрылось за вершинами деревьев солнышко. Мрачно и сумрачно стало в чаще леса. Потянуло прохладой с близких болот, дальние опушки подёрнула мгла, в низинках заколыхался вечерний туман. На потемневшее небо высыпали первые звезды. Луна холодным светом осветила спящие поля, застывшие в ночном оцепенении деревья, отражающие лунный свет, зеркала лесных озёр. И, грохочущую, ревушую мощными моторами, извивающуюся, как змея, колонну танков. Фигурки людей в ребристых шлемах в люках боевых машин. Учения продолжались!

Ночь полностью вступила в свои права, опустилась на землю, быстро, как бывает только на юге, а теперь выясняется, что и в Германии так бывает. Ориентироваться стало гораздо сложнее, дальние местные предметы растворились в сумраке ночи. Подъезжая к очередному перекрёстку, или развилке дорог, механик загодя сбрасывал скорость, ожидая команд. По условиям учений ограничений не было, Ткачев дал команду включить фары со светомаскирующим устройством – «СМУ». Команды «отставить» от командира полка не поступало, значит, и посредник не возражал. Пришлось снять бронировку и инфракрасный фильтр, с прожектора командирского прибора. Изредка комбат включал прожектор и осматривал местность. Иногда в поле зрения, попадались совершенно не боящиеся людей, дикие козы и целые стаи зайцев. Они, скрытые темнотой, безбоязненно и спокойно поедали сочную траву зеленых посевов. Когда прожектор неожиданно освещал животных, они вздрагивали, и поворачивали головы в сторону колонны, глаза отражали свет, и казались ярко красными.

Даже сибиряку, такое обилие живности было в диковину. Нет браконьеров! Вот что значит дисциплина!

Из темноты выплыл полосатый столб. Желтая табличка, закрепленная на нем, гласила на русском и немецком «Внимание! Территория полигона, проход и проезд запрещён» – полигон, неизвестно какой части, где-то здесь Толик Антонов ждёт со своими заправщиками. Опустившись в башню, и включив свет, Ткачев нашел на карте нужный поворот:

– Вася, – обратился он к механику, – потихонечку, вперед, – где-то тут поворот влево, там дорогу пересекает линия электропередач. Смотри внимательно! Сам знаешь, какой за нами хвост.

Впервые за сутки, он почувствовал всю ответственность за правильность выбора дороги. Вот он ошибётся, и вся эта армада поедет не туда. Упрётся в тупик, и будет выбираться несколько часов, теряя время. Даже в пот шибануло! Почему-то вспомнилось, как при выходе на учения соседней дивизии, ее передовой батальон, ночью, с приборами ночного видения, заблудился на незнакомом танкодроме полка, в котором служит Ткачев. По следам танков пришёл к парку боевых машин, дневальный, считая, что вернулись машины с вождения, без разговоров, загодя, открыл ворота на стоянку учебных танков. Чужой батальон зашёл в парк, а затем, до утра, его разворачивали на маленькой площадке и выводили за ворота. Вспомнился командир того батальона, стоящий под проливным дождем посреди своих танков, в мокром до нитки комбинезоне, с мокрой картой в руках. И генерал, командир дивизии, в плащ-накидке, отчитывающий его до тех пор, пока карта не размокла и, оторвав уголок, не шлёпнулась в грязь. Не позавидуешь!

– Где же, тот чёртов поворот? Может, ЛЭП перенесли? Тише, Вася! Проскочим поворот!

Что-то там впереди светится? Кажется машина, ещё чего не хватало? Где же мы с ней на этой просеке разъедемся? Нет, это фонарь, а машина стоит по ходу движения, к нам задом. Офицер с фонарём идёт. Да, это Толька Антонов! Спасибо! Ну, выручил земляк!

Ткачев, через шум работающего двигателя только и услышал, а точнее, понял по взмаху руки:

– Давай за мной!

Заправщик, на базе вездехода ЗИЛ-131, тронулся, и колонна послушно потянулась за ним. После нескольких поворотов выехали на приличных размеров поле, где, подсвечивая себя фарами, стояли в две колонны топливозаправщики. Откуда-то сбоку появились два регулировщика в форме, помигали фонариками и танки, следуя их командам, двинулись к заправщикам. Ткачев, дав механику команду двигаться за регулировщиком, на ходу соскочил с машины, и направился к Антонову. Неожиданно, впереди, вырос из темноты, прапорщик Дурнев:

– Ты, как сюда попал? – опешил комбат

– Я сразу, как вы уехали, свернулся, и за командиром автороты и его заправщиками, следом, сюда. Приехали засветло, я ещё водителей заправщиков покормил, тем, что в котлах осталось. У них кухни нет, сухой паёк. А сейчас, у меня ужин готов, разрешите в роты раздать. Да, и сами с командиром автороты поужинайте, вон наш ПАК стоит.

Распорядившись выдать ужин в роты, комбат нашёл земляка и за ужином, они поговорили. Выяснилось, что Анатолий в Германии пятый год, собирается поступать в академию тыла и транспорта. Ротой командует четвёртый год. Наливная рота тяжелая, и техника тяжёлая, в основном КраЗы, объёмы перевозок и расстояния большие. Сейчас вас заправлю, завтра с утра ехать за горючим к самой польской границе, поделился Антонов. Пообещал заправить бензином и колёсные машины. Ткачев, также коротко, рассказал о себе, о том, что тоже, собирается поступать в академию.

Из просеки на поляну, далеко объезжая колонны танков, в голову, проехали два штабных Уазика. Наверное, посредники, – отметил про себя Ткачев.

Как обычно, нормально покушать и поговорить не дали. Прибежавший Джахадзе доложил, что комбата вызывает командир дивизии. Наскоро попрощавшись с земляком, Ткачев поспешил за посыльным к своему танку. Большая часть батальона уже заправились, танки проехали вперед, к опушке леса, освободив место у заправщиков другим.

Танкисты сидели на броне, с котелками, – ужинали. На некоторых машинах механики, с шипением, сливали отстой из влагомаслоотделителей. Кто-то протирал фары и приборы наблюдения, двое, в комбинезонах, боролись на траве, увидев комбата, вскочили, отряхиваясь.

– Здравия желаем, товарищ старший лейтенант!

Привычно козырнув, Ткачев хотел сделать подсечку ближе стоящему танкисту, но передумал и зашагал дальше, отвечая на приветствия:

– Детвора! Настоящая детвора! А, сам-то? Тоже, готов побороться на травке.

Рядом с комбатовским танком, на капоте, стоящего Уазика, была развернута карта. Как всегда, подтянутый, худощавый и стройный генерал-майор Симонов, подсвечивая фонариком, что-то показывал, согласно кивающему лысой головой, зам. командира полка майору Куцему. Чуть в стороне, грузный командир полка, держа перед собой планшет с картой, объяснял детали двум пехотным подполковникам, с белыми повязками посредников.

Ткачев представился. Протянув для приветствия руку, командир дивизии сказал:

– Хорошо, что людей покормил. Впереди много дел, может случиться, поесть некогда будет. Где комбат, карта? Смотри, после рубежа развертывания в батальонные колонны, в десяти километрах от рубежа перехода в атаку, организуется район. Вот здесь, уже на территории полигона. По прибытию в который, войскам будет объявлена тактическая пауза. Необходимо, выгрузить весь боекомплект на брезенты, на грунт. Повторяю, весь! Сдать по наличию, по акту, командиру роты мотострелкового полка. Он организует охрану. Там же, ваш начальник службы ракетно-артиллерийского вооружения полка, выдаст боеприпасы на этап боевой стрельбы. Обращаю внимание, на соблюдение мер безопасности. И ещё, в ходе учений, огонь

открывать только с выходом на рубеж открытия огня, то есть, за рубежом участковых вышек! И, не дай бог, раньше! Сами знаете, кто на Варшавской вышке!

Уже обращаясь к командиру полка, и майору Куцему продолжил:

– Довести до командиров батальонов и рот. Время прибытия в указанный район шесть ноль, ноль. Начало этапа боевой стрельбы ориентировочно в десять часов, по прибытию гостей.

Спросив посредников, есть ли вопросы к командиру батальон, уже другим тоном продолжил:

– Комбат, накормишь нас с посредниками? Раз такой шустрый, по части поесть!

– Конечно, товарищ генерал! Сейчас, командир взвода снабжения накроет, и пригласит.

Спросив у командира полка разрешение начать движение, Ткачев поспешил к ожидавшим его командирам рот. На ходу, приказав, появившемуся как призрак из темноты, Джахадзе:

– Дурнева ко мне бегом!

Кратко введя ротных в обстановку, указал на карте назначенный район и приказал подготавливаться к движению. Вдоль колонны разнеслось:

– По машинам!

Прибежавшему, запыхавшемуся Дурневу, указал на карте район, обведя его жирной чертой. Заострил внимание на время прибытия. Приказал:

– Накройте быстренько стол на пять человек. Будет всё готово, пригласите генерала Симонова. И чтобы всё было на высшем уровне!

Глянув в заблестевшие глаза стоящего рядом Джахадзе, добавил:

– А то, о чём сейчас подумал Джахадзе, Борис Иванович, можете взять из моего резерва, если понадобится.

– Все, мы поехали! Не растеряй машины, и долго тут не задерживайся! Командир автороты обещал заправить по путевым листам.

Легко поднявшись на танк, опустился в люк. Одевая, поданный шлемофон, спросил замполита, уже торчавшего из люка заряжающего:

– Владимир Дмитриевич, покушал? – получив утвердительный ответ, щелкнул гарнитурой радиостанции:

– Вьюга, я Узор, – заводи!

Выждав немного, услышав одновременный рокот заведенных моторов за спиной.

– Вьюга, я Узор, – вперед! – и своему механику, – Вася, вперед!

Танк, немного присев на корму, рванулся вперед. Проезжая мимо Уазика комдива, увидел стоящих генерала и майора Куцева, со шлемофоном в руке, блистающего лысой головой под светом луны. Почему-то вспомнилась первая встреча с вновь назначенным генералом Симоновым.

Ткачев, тогда начальник штаба батальона, оставаясь за заболевшего комбата, должен был проводить ротные тактические учения с боевой стрельбой ночью, в первой роте. Но, решением командира полка, для оказания практической помощи молодому начальнику штаба, руководителем учения был назначен заместитель командира полка майор Куцкий.

Темой проводимых учений была оборона. С точки зрения динамики, тема неудачная. Но именно её, как правило, планируют на боевую стрельбу ночью, – мол, танки стоят в окопах, друг друга не постреляют. Каждый начальник старается прикрыть себя сзади. Как бы, чего не случилось! Кабы, чего не вышло!

Так оно и произошло, – машины стоят в давно оборудованных окопах, вяло постреливают по появляющемуся походному охранению противника, наступающего с ходу. Комбат и зам командира полка, из бронетранспортёра, отдают команды оператору тактического поля по телефону, тот с вышки поднимает нужные цели. По радиостанции доводят тактическую обстановку и вводные до обучаемого командира роты, тот, в свою очередь, до командиров

взводов, те до командиров танков. Раздаются два, три выстрела из вкладного ствола, или очередь из пулемета. Пораженная цель падает. И, так не спеша, до полной победы.

Ткачев заметил, что, где-то в тылу участка, проехала одиночная машина и скрылась, свет фар исчез. Наконец, дошла очередь до мишеней изображающих основные силы противника, интенсивность огня возросла, динамика, вроде, наладилась. Рядом с БТР остановился, откуда-то взявшийся Узик. По броне застучали, и чей-то твердый голос скомандовал:

– Кто старший? Ко мне!

Дальше все происходило, как в том анекдоте, про интернациональный экипаж. Подбили фашисты танк с интернациональным экипажем, один командир русский – Иван. Ходят враги по башне стучат прикладами и коваными сапогами по люкам:

– Рус Иван, сдавайся, выходи!

Экипаж притих, как мыши. Сидят, молчат, все смотрят на командира. А немец, опять:

– Рус Иван, сдавайся, выходи!

Тогда представитель одной южной национальности говорит:

– Командир, однако, тебя зовут – выходи!

Так и тут, сидят два начальника смотрят друг на друга. Наконец, вышли. Приехавший представился:

– Командир дивизии генерал-майор Симонов.

Руководители занятий, что-то невнятно пробормотали в ответ.

– Понятно! Отвечать некому. С кем проводят этот цирк, что за подразделение?

Ну, и понеслось! Они узнали много нового о себе, точнее, многое из сказанного, они, или знали, или догадывались, но стеснялись говорить об этом вслух. А тут, им сказали об этом прямо в лицо. Занятия, которые, они пытались провести, тоже обрели реальное название и форму. Но, за весь двадцати минутный разнос, привыкшие ко всему командирские уши, не услышали ни единого матерного слова, или оскорбления. Всё было проведено в высшей степени корректно и интеллигентно.

Куцый и Ткачев переминались с ноги на ногу перед командиром дивизии, как нашкодившие школьники, постоянно поправляя сползающие на лоб не подогнанные шлемофоны.

– Да, снимите вы эти шапки, товарищи офицеры. Кто руководитель учений?

Командиры повиновались. Теперь перед генералом, опустив головы, держа в руках шлемофоны, молча, стояли, – плотный, с матово блестящей, под лунным светом, лысиной руководитель учений майор Куцый. И высокий, худощавый, обучаемый, начальник штаба батальона, старший лейтенант Ткачев.

– Такие занятия, я не признаю. И оценку роте, выставить не могу, – продолжил генерал, – поэтому, через две недели сборы командиров рот, привезу на эти занятия всех комбатов, и командиров полков. Вы должны подготовить и провести настоящие учения. С показом всех видов огня: – фронтального, флангового, сосредоточенного, кинжального, по отдельной цели и по воздушным целям.

– План, со схемой мишенной обстановки и расчетом боеприпасов представить мне, – закончил комдив, обращаясь к майору Куцему.

Садясь в машину, перед тем, как захлопнуть дверку, спросил:

– Ваша фамилия, по-моему, Лысый?

– Так точно, Лысый! – не моргнув глазом, ответил Куцый.

Обдав оставшихся бензиновым дымом, машина умчалась. Куцый достал сигареты, мрачно закурил, помолчал.

– Иван Петрович, а почему вы его не поправили?

– Да, ну всё это безобразие к черту! – выругался Куцый, – я лучше десять раз буду Лысым, чем ещё раз соглашусь всё это выслушать.

Нет смысла рассказывать, как они готовили это показательное учение. Неделю перекрывали мишенное поле, готовили танки, пристреливали оружие, тренировали роту. Занятие удалось на славу. Оказывается, и на своем тактическом поле, при желании, можно подготовить поучительные ротные тактические учения. Необходима разумная инициатива во всём. Так, на некоторых танках не было турелей для зенитных пулеметов поэтому по воздушным целям, которые изображали осветительные ракеты увеличенной дальности, на парашютах, заряжающие вели огонь из автоматов трассирующими боеприпасами. Для Ткачева это был большой урок.

Собрав всех после учений возле центральной вышки, комдив перед строем объявил занятым в подготовке и проведении учений благодарность. Рота получила «хорошую» оценку.

Тем временем, колонна с включенными фарами, буравила темноту ночи, проглатывая километр, за километром. В шлемофоне щелкнуло, и знакомый голос командира полка пробасил:

– Попридержи, обойду тебя слева. Прием!

– Механик, тише, прими вправо, пропустим колонну, – скомандовал комбат.

Танки, вслед за командиром, прижались к самым соснам и снизили скорость. Вскоре, обдав Ткачева дымом выхлопных газов и облаком пыли, мимо, блестя в лунном свете отполированными траками, прошел танк командира полка. В командирском люке, боком сидел командир, в больших танковых очках, такой же пыльный, как и все танкисты. Поравнявшись с отдавшим честь Ткачевым, махнул рукой.

– Поехали!

Следом, выбрасывая струи черного дыма, высоко подкидывая острым носом, протарахтел гусеничный БТР-50ПУ. За ним, плавно, на мягких колёсах, проплыл БТР-60 «Чайка», весь утыканный антеннами, с улыбающимся начальником связи полка в командирском люке.

Пристроившись за колёсным БТР, Ткачев прибавил скорость. Танки, вновь рванулись вперед!

– Командир, наверное, первым желает отметить на пункте регулирования, – подумал комбат, – или, надоело глотать пыль в колонне второго батальона. Где там, Иван Иванович Вайнагин? Третьему батальону достаётся вся пыль, ходя дистанции между машинами и подразделениями увеличены, не успевают поднятый гусеницами и вентиляторами грунт опуститься на землю. Зато, дорога накатанная, не заблудишься, катись, не спеша, любуйся природой. Скоро рубеж развёртывания в батальонные колонны, разъедемся, но третий батальон, так и пойдет за первым, он по плану во втором эшелоне. Интересно, с кем пойдет КП полка, наверное, тоже за первым батальоном? На направлении главного удара, и ближе к Варшавской вышке.

Где-то рядом, справа, также пылит колонна соседнего танкового полка, будущие соседи в бою. Самоходно-артиллерийский полк, всего скорее, где-то впереди, на параллельном маршруте. Они должны занять огневые позиции заранее и обеспечить огнем прорыв обороны противника. Интересно будет ли реальная огневая подготовка? Наверное, в полном объеме нет. Разобьют всё мишенное оборудование, нам стрелять будет не по чему. Авиация, точно, будет работать реально и много, – Министр обороны любит авиацию.

Вот, и последний пункт регулирования, светятся красные фонарики регулировщиков и посредников. Остановили танк командира полка, что-то решают с посредником. Благо одно – посредники в этот раз не мешают, не путаются под ногами, видимо решили, что сами танкисты лучше разберутся. Двинулись дальше. Теперь нам машут, остановиться. Опять отметка на карте. Сколько машин в колонне? Танков тридцать один. Все!

Скрылись сзади в ночной мгле и пыли огоньки регулировщиков. Ночная темень начала редеть. Далеко на востоке, над горизонтом, появилась узенькая полоска светлеющего неба. Более четко проступили верхушки могучих елей по обеим сторонам дороги, стали видны танки колонны, всё ещёдвигающиеся с зажженными фарами.

Самое тяжелое время для механиков, вторая половина ночи, – подумал Ткачев, почти сутки за рычагами, именно ближе к утру в сон клонит. Но, попробуй, кому-нибудь предложить подмену? Обидится за такое недоверие, многие ждут, не дождутся учений, чтобы, как они говорят, «погонять». У самого голова затяжелела, но командирские заботы не дадут забыться.

Он посмотрел на давно замолчавшего замполита. Крепко держась за люк заряжающего, и прижавшись ребристым лбом шлемофона к рукам, тот стойко переносил дёргание, удары, и дрожание движущейся машины.

Устал с непривычки, бедолага, – с неожиданным, лёгким злорадством, подумал комбат. Вспомнился приезд Владимира Дмитриевича, так изредка, Ткачев называл своего заместителя. По давно заведенному правилу офицеры батальона жили в одном доме, в одном подъезде. На одной площадке жил комбат и его заместители, выше этажом ротные. Как правило, дружили семьями, кто, кому приглянулся. Вместе отмечали праздники, приезд из отпуска, дни рождения, присвоение воинских званий. А иногда, жены сами, чувствуя усталость мужей, устраивали им маленькие праздники, так, без особого повода.

Волей судьбы, прибывший замполит, оказался соседом Ткачева. Говорливая, компанейская жена Владимира Дмитриевича, Лида, быстро нашла общий язык с Наташей Ткачевой. И, в первый же день, был организован легкий ужин, как говорят «с приездом».

Вещи были ещё не распакованы полностью, часть посуды ещё не обнаружена, но женщины, подключив жену заместителя комбата по технической части, неунывающую Марию Михайловну, самую старшую по возрасту, общими усилиями собрали на стол у кого, что было, – вскладчину.

За столом, как обычно, говорили о службе, о детях, вспоминали места и гарнизоны предыдущей службы. Мужчины, выходя покурить, травили анекдоты, вспоминали общих знакомых, строили планы.

После очередной рюмки, Владимир Дмитриевич посетовал, что мучается бессонницей, и, даже приняв снотворное, спит плохо. Зампотех, Иван Иванович, тогда, смеясь, заметил, что на новом месте службы, сон восстановится. И вот, наблюдая клюющего носом замполита, Ткачев вспомнил этот разговор. Он слегка толкнул Владимира Дмитриевича рукой. Когда тот повернулся, показал, – иди, мол, вниз, сложив руки под головой, – поспи. Замполит, с готовностью кивнул головой, и исчез в люке.

Танк, трясаясь по неровностям дороги, кивая пушкой на бесконечных буграх танковой трассы, мчался вперед, увлекая за собой батальон.

Изнутри машины потянуло легким табачным дымком. Механик-водитель закурил, – подумал комбат, – вроде и не положено, с другой стороны, пусть покурит, иначе может задремать. Ткачев открыл командирскую сумку, подсвечивая фонариком, взглянул на карту. До границы полигона километров двадцать – двадцать пять, надо поднажать. Вспомнив про замполита, опустил вниз на своё сидение. В башне было темно, гудел двигатель, на кочках что-то звонко стучало, гремело и бухало в железном чреве машины. Привычно протянув руку, комбат включил свет. На полу вращающегося контактного устройства, среди ящиков с пистолетами и секретной документацией, согнувшись в три погибели, подложив под голову чей-то ОЗК, сладко похрапывал Владимир Дмитриевич.

– Вот бы жена увидела, – до чего мужика довели! Всё кругом грохочет, гремит, прыгает и трясётся, а, он спит! Спит, как ребенок, – никакой бессонницы! – вслух подумал Ткачев. – Да брат, это тебе не интеллигентные войска связи! Это, танковые войска!

В наушниках шлемофона щелкнуло и далёкий голос зампотеха, через шум и треск, грустно доложил:

– Узор – 1, я сороковой, девяносто девять, пятьсот тридцать девять, я сороковой, приём!

Ну вот, судя по номеру, учебная машина встала. Там механик водитель опытный, если поломка устранима своими силами, устранит.

Колесный БТР, ныряющий по буграм впереди, заморгал правым указателем поворотов, сидящий на броне начальник связи полка машет, – объезжай.

Ткачев объехал остановившийся танк командира полка, и оба бронетранспортёра. В наушниках голос командира полка пробасил:

– Обгоняй! Встану тебе в хвост!

Снова комбат впереди этой извивающейся, грохочущей и пылящей, бронированной змеи. Усталость берет своё, суточный марш дело утомительное. Трудно держать в голове все повороты и изгибы такой длинной трассы. Тем более, местность с предыдущих учений порядком изменилась. Слева какую-то насыпь насыпали, а на карте её нет. Не заблудиться бы! Опозоришься!

Ткачев спустился в башню, включил свет. Замполит, по-прежнему, спал среди железных ящичков, на грохочущем днище. Поднеся карту ближе к свету, комбат ещё раз внимательно изучил карту. Местность низменная, много мелких озёр и заболоченных участков. Наверное, и насыпь возвели, как дамбу. То ли защититься от воды, или наоборот, сделать водоём.

Наконец подошли к рубежу развёртывания в батальонные колонны. Обычная развилка лесных дорог, только крепко разбитая гусеницами танков и боевых машин пехоты. Уже достаточно расцвело, но в глубине соснового леса было по-прежнему жутковато темно. Как в сказке, подумалось Ткачеву, – направо пойдёшь, – коня потеряешь, налево, – жизнь! Слава богу, нам направо, по этой заросшей колее! Налево, по накатанной дороге Фомичу, он живучий, – выдержит! Комбат доложил установленным сигналом о прохождении рубежа. Командир полка, так же, ответил сигналом, – выполнять, поставленные задачу.

Первый танковый батальон двинулся по своему маршруту. Вскоре лес поредел, дорога бежала по песчаной опушке леса. Справа, в утреннем тумане, простирался, поросший высокой травой луг, дальний край которого, терялся в предрассветных сумерках. Слева, за редкими соснами, угадывался песчаный взгорок, с большими деревьями наверху. Дорога, постепенно спускалась вниз, в широкую низину, покрытую белым, клубящимся туманом.

Внезапно, из поредевшей пелены, слева обозначилась свеженасыпанная дамба. Перед ней, достаточно глубокая, наполненная до половины водой, широкая траншея, с отвесными стенками. Дорога была перегорожена забором из сосновых жердей, на которой красовался знак «Проезд запрещен».

Ну, немцы, понарыли! Но даже в лесу всё сделали по правилам, и знака не пожалели! Вправо, в туман, уходила заросшая, слегка прикатанная колея. Центра низины не было видно в плотном тумане, и сереющей темноте. На противоположной стороне, из тумана вроде бы вновь выходила, заросшая травой, лента колеи и пряталась в лесу.

Остановившись, Ткачев внимательно изучил карту. Развилка, как развилка! Таких в каждом лесу сотни. За свежей дамбой должно быть поросшее травой озеро, с болотистыми берегами вокруг. От него насыпью и отгородились. На бугорке деревня, которую, как рассветёт, отсюда будет видно. Правая дорога проходит по низинке, и километра через два, вновь соединяется с левой, перегороженной. Нечего время терять! Надо ехать!

– Механик, направо, вперед!

Танк рванулся с места и углубился в клубящийся туман. Над землёй туман был ещё плотнее, механик-водитель, практически, ничего не видел перед собой, включил фару, и тут же выключил. Ткачев, тоже, пытался ему помочь, включив командирский прожектор, опустив его до упора вниз. Но мощный луч света не смог пробить плотную стену тумана, освещаемое прожектором белое покрывало становилось непроницаемым. Пришлось отказаться от этой затеи. С высоты танка комбат видел направление движения и подбадривал механика:

– Давай, чуть-чуть левее! Обороты! Не бойся, там дорога!

Механик послушно прибавил скорость, и перешел на третью передачу. Ткачев оглянулся, танки первой роты, спустившись с бугра, следом за ним ушли в туман. Мелькнув треугольным

флажком на антенне, растаял в белой пелене танк командира второй роты. Кое-где над туманом, как длинноногие великаны, плыли фигуры командиров танков и качались штыри пятиметровых антенн.

– Как бы не столкнулись в тумане, не дай бог, кто-то встанет! – вслух подумал комбат.

– Вы мне говорите? Не расслышал, повторите! – внезапно, по внутренней связи послышался голос замполита.

Через мгновение, его ребристый шлем появился в люке заряжающего, следом выглядывало заспанное лицо Джахадзе. Сев на край люка, и осмотревшись по сторонам, Владимир Дмитриевич восхищенно промолвил:

– Красота-то, какая! Как по воде плывем! И очутятся на берегу, в чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря!

– Насчет чешуи, Владимир Дмитриевич, загнул! Вижу одни танковые комбинезоны, – не разделяя его восторга, ответил комбат, – и только тридцать штук. Одна учебная машина, из третьей роты встала, зампотех доложил.

Танк комбата, между тем, почти преодолел низину. Ткачев, уже, просматривал колею, выходящую из тумана, и убегавшую, по песчаному взгорку, в лес. Неожиданно машина резко замедлила ход, преодолевая невидимое сопротивление, механик переключился на низшую передачу, двигатель взвыл, но танк продолжал замедлять ход. Последовало молниеносное переключение на первую, мотор выл на высоких оборотах. Танк уже не ехал, а полз, с трудом преодолевая метр, за метром. Наконец, провалившись носом куда то вниз, почти заглох, но механик, вовремя выжал главный, и выключил скорость.

– Товарищ старший лейтенант, мы, куда-то врюхались, грязи до волноотбойной доски, – доложил механик.

Он включил заднюю скорость, и попытался дернуть машину назад, но танк стоял, как вкопанный.

– Стой, стой! Столкнемся с Корневым!

Танк командира первой роты старшего лейтенанта Корнева, пытался объехать остановившегося комбата но, поравнявшись, тоже нырнул носом и заглох. Следом, двигаясь колея в колею, села машина командира первого взвода. Судя по фигурам командиров танков, возвышающихся над пеленою тумана, уходя от столкновения с внезапно остановившимися передними машинами, танки разбрелись по болотистой низине, и застревали один, за другим. Некоторые, пытались двигаться задом, или разворачиваться, и тоже, начинали буксовать.

– Я Узор, всем стой! Стой! Стой! – запоздало скомандовал Ткачев.

Он спрыгнул на землю. Машина увязла в мягком грунте по самые опорные катки, гусеницы покрылись толстым слоем чернозёма, вперемешку с травой.

– На брюхо сели! – выругался комбат подошедшему замполиту.

– А, я думал, танк вообще не может застрять, его нельзя засадить? – удивился замполит.

– Видишь, ничего невозможного нет! – зло ответил Ткачев и пошёл сквозь туман вперед, осматривая местность. Оказалось, по низине, после недавно прошедших дождей протекал, пересыхающий в жаркое время, ручей. Сейчас, когда путь ему преградила дамба, вода наполнила до половины вырытую траншею и напитала влагой болотистые берега.

– Вот, тебе и очутятся на берегу! – неожиданно вспомнились возвышенные слова замполита, – не в чешуе, и не в серебре. А, в грязи по самое, «не хочу»! Если вообще вылезем.

В горячке, экипажи пытались, с помощью бревен для самовытаскивания, и стоящих на сухом машин, вытащить замыкающие танки второй роты. Но в результате, засадили ещё два танка. Самостоятельно на сухой островок у дамбы, смогли выбраться лишь три машины. Как спасшиеся моряки, они столпились на твердом грунте, не решаясь преодолеть несколько метров размокшей земли.

Ткачёв, стоя на возвышенности, распорядился командирам этих машин переезжать по одному, не по колее, выполняя его команды. Танки успешно перебрались на «большую землю». Топкая почва пружинила под ногами, стоило гусеницам содрать слой дерна и танк, начинал, тут же, даже не двигаясь, оседать в болото. К счастью, оказавшееся неглубоким. Машины садились на днище и дальше не проваливались.

– Зарезал! Без ножа зарезал! – кипятился, приехавший, командир полка, обильно пересыпая свою речь ядрёными выражениями. – Не вижу, не еду! Главное правило танкистов, этому ещё в начальных классах танкового училища учат! Не знаешь дорогу, проверь! Ножками, мать твою! Ножками, как в пехоте, чёрт тебя возьми! Ну, куда там! Мы же главная ударная сила! Орлы! Не с руки, нам сапоги грязью марать! Механик, вперед! Вот и вляпались в дерьмо, по самые уши! Так опозориться!

Ткачёв стоял молча, глядя на плывущие под тихим ветерком белые космы тумана.

Командир, не в состоянии погасить гнев, подошёл к нему вплотную, с трудом сдерживая себя, негромко продолжил:

– В военное время, шлепнули бы нас с тобой ребята особисты, вон, на том бугорке! За не выход на рубеж атаки! Лежали бы сейчас, ногами в конвульсиях дрыгали! Даже к Варшавской вышке не повезли бы! Тут, в этом дерме и закопали б!

Немного успокоившись, закурил:

– Что молчишь? Натворил дел и помалкиваешь! Дойдет до Министра обороны, полетят должности и погоны! Сколько верст так хорошо пройти, и на тебе, опоноситься в какой-то луже! – наконец, устав от разноса закончил. – Береги людей! Когда тросами и лебедками танки потащат на сухое, смотри, чтобы рядом никого не было. Не дай бог трос лопнет и сыграет! Пришлю тебе тягачи, – жди! До моей команды, как выползешь из болота, с места не трогаться. Понял?

Повернувшись, и отойдя несколько шагов, вспомнил:

– Сам остаёшься здесь с зампотехом. Начальника штаба батальона, командира третьей роты и командиров, не застрявших танков, к моей машине, бегом!

Ткачёву неожиданно вспомнился командир батальона заблудившийся, пришедший в чужой парк, стоящий под проливным дождём, перед комдивом, с мокрой картой в руке.

Машины третьего батальона, куцая колонна КП полка и остатки первого батальона, сгрудились перед траншеей, как доисторические животные пришедшие на водопой. Танковый мостоукладчик, из средств усиления первого батальона, уже заканчивал установку kolejного моста через злополучный ров.

– Ну, что Иван Иванович, – обратился командир полка к Вайнагину, – придется вам заменить первый батальон, другого выхода нет. Пойдемте, посмотрим что и как, там, на том берегу!

Они перешли по уложенному мосту через траншею, поднялись на дамбу.

– Узкая, товарищ подполковник, придется каждый танк, как на железнодорожную платформу командирам загонять, и вести за собой.

– Смотрите какая дамба длинная. Что на том конце? Может, обрыв, может, болото? Нужно посмотреть, бережёного, бог бережет! Уже наломали дров, полководцы! – вместо ответа, сказал Паньковский.

– Загоним танки на дамбу, а там тупик. Тогда ни назад, ни вперед. Надо посмотреть!

Быстрым шагом, разговаривая, офицеры пошли по дамбе. Она оказалась достаточно длинной, так, что, дойдя до конца, запыхались.

– Длинная какая, – пытаюсь отдышаться, и вытираясь платком, наконец промолвил командир полка.

– Канавы тянется ещё дальше, вон до того озера. Но воды здесь в ней нет, наверное, не набралась, – поддержал Иван Иванович. – Когда успели выкопать?

Возможный съезд, оказался сносным, мостоукладчику есть, где развернуться. Торопливо направились назад к колонне.

– Эх! Сейчас бы танковый бульдозер, зарыли яму, и всё. Извинились бы потом перед камрадами, посетовал Вайнагин.

– Ничего, у вас тоже мостоукладчик есть?

– Есть, но не чешский, а наш сарай.

– Вот его пускайте впереди колонны. Пройдет по дамбе, съедет. Бросит мост, и потихоньку переползем. Но, надо торопиться, времени нет!

– Не буду ещё раз вас собирать. Приступайте действовать по задачам первого батальона. Наступаете на Варшавскую вышку. Этап боевой стрельбы, ваш. Район выгрузки боекомплекта и получения боеприпасов на стрельбу вот, здесь, – доставая карту, поставил задачу командир полка.

– Иван Иванович, очень прошу, – переходя на «ты» попросил командир, – проследи, чтобы тактические номера на башнях были закрыты. Надеюсь на твой опыт. В оставшееся время подготовь батальон. Окажу любую помощь. Остатки первого батальона будут действовать, как второй эшелон, пылить в колонне на заднем плане. Постреляют на контратаке. Всё! Действуй!

– Товарищ подполковник, мне бы три колесных машины под личный состав подослать в район получения боеприпасов. Будет возможность, хочу командиров и механиков провезти по рубежам, до перехода через шоссе. Боюсь, не стали бы блудить по этим переходам, перед самой Варшавской вышкой.

– Будет! – коротко пообещал командир.

У танков, командира ждал командир третьей роты и командиры машин первого батальона.

– Равняйся! Смирно! – скомандовал начальник штаба первого батальона старший лейтенант Митриев.

– Вольно! – привычно козырнул подполковник Паньковский. – Перед вами стоит сложная задача. Тринадцатью танками отразить контратаку противника, поразить мишени, предназначенные на батальон. – Товарищ старший лейтенант, – обратился он к Митриеву, – район получения боеприпасов я вам сейчас уточню. Обращаю внимание всех на соблюдение мер безопасности, особенно в ходе стрельбы. Берегите своих заряжающих!

А сейчас, танки убрать вправо с дороги, пропустить третий батальон!

Прозвучали команды, загудели заведенные двигатели. Первым, осторожно, словно нащупывая колею, на мост, повинуясь командам командира машины, вполз танковый мостоукладчик. Раскачиваясь сложенным мостом, успешно перебрался на другую сторону. Резко прибавив обороты, круто поднялся на насыпь, развернулся, и плавно поплыл по дамбе, выполняя команды, вышедшего вперед Вайнагина. Следом, за своими командирами, как за поводьями, осторожно пошли танки третьего батальона. Съехав с дамбы, впереди идущий мостоукладчик, перекинул мост через злополучную канаву. Первым, как бы пробуя прочность сооружения, перебралась гусеничная база мостоукладчика. Затем, пошли танки. Лихо преодолели возникшие препятствия, танк командира полка, и два БТР штаба. Не задерживаясь, ушла третья рота, вместе с начальником штаба батальона и танками второй роты. Прикрывающие танкистов «Шилки» зенитчиков двинулись за колоннами. Мостоукладчики, разложив мосты, остались ждать первый батальон.

Стало тихо, был слышен шум двигателей уходящей колонны и гудение высоко летящего самолета.

– Экипажам разрешаю спать, не сходя с машин. Командирам рот, выставить охранение. – распорядился Ткачев.

Комбат лег с края, на разостланный по трансмиссии брезент. Сон не шёл. Тесно прижавшись, друг к другу, укрывшись половиной брезента, рядом спал экипаж. Механик уснул сразу, только стоило прилечь. Джахадзе долго курил, бродя вокруг танка, и «цокая» языком, но потом тоже прилег, немного повозился и уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.